

Двое солдат тут же схватили его и поволокли. Мао Сяофэй отчаянно упирался ладонями и одной ногой, но тщетно — за ним по земле потянулась глубокая борозда.

Экзекуцию устроили на плацу в назидание остальным. Новобранцев согнали со всего лагеря и выстроили ровными шеренгами перед помостом.

С треском разорвалась на спине уставная форма — ткань грубо рванули от самого ворота. Кожа мгновенно покрылась мурашками от ледяного ветра, но вырваться было невозможно: конвоиры намертво прижали его плечи и руки к деревянному настилу.

Даже для Мао Сяофэя, привыкшего ко всему, это было чересчур. К тому же еще декаду назад его спина считалась священной. Какие там побои — простому смертному и взглянуть-то на нее не позволялось под страхом выкалывания глаз!

"Да уж, — уныло подумал он. — Говорят, времена меняются каждые тридцать лет. А у меня вся жизнь перевернулась за тридцать дней".

Молодой генерал занял судейское кресло. Куда только делась давешняя вялость и болезненный вид, которые он наблюдал в штабном шатре! Один взгляд на этого выскочку будил в душе глухую злость. Впрочем, Му Цаньшан на мелкую сошку вроде Сяофэя даже не смотрел. Он восседал с каменным лицом, не проронив ни слова.

На край помоста вышел офицер — судя по всему, помощник генерала Лю. Заведя руки за спину и широко расставив ноги, он выпятил грудь колесом и зычно провозгласил:

— Сей рядовой несколько дней назад самовольно оставил расположение части. Приговор — сорок ударов плетью! Дисциплина в войске генерала Му крепка и незыблема. Адъютант Лу, выйти из строя!

Из строя вышел воин и опустился на одно колено.

— За своевременное оказание помощи офицеру назначить адъютанту Лу награду в размере полугодового жалованья!

Услышав это, Мао Сяофэй умудрился вскинуть голову и проорать на весь плац:

— Он тебе, паршивцу, жизнь спас, а ты ему жалкое жалованье суешь?! Ну и скряга!

Му Цаньшан даже бровью не повел.

— Начинайте, — ледяным тоном скомандовал он.

Раздался резкий свист, и первый удар плетью обрушился на спину Мао Сяофэя. Боль прошла тело, словно разряд молнии. Палачи навалились сильнее, прижимая его лицом к деревянному настилу, так что он не мог даже шевельнуться. По плацу покатился размеренный, глухой треск ударов. Холодный пот крупными каплями стекал со лба Сяофэя, он поморщился от боли.

— Неблагодарная тварь! — заверещал он. — Я же тебя спас! Какой из тебя командир?! Если бы не твой папаша-генерал, гнить бы тебе в канаве! Ай! Полегче нельзя, ублюдок?!

На плацу воцарилась мертвая тишина.

Никто и представить не мог, что наказуемый начнет так бесстыдно скандалить прямо под плетями. Даже Му Цаньшан на мгновение изменился в лице. Вовсе не потому, что признал правоту этого наглеца, — просто его еще ни разу в жизни не оскорбляли в лицо, да еще при всем честном народе.

— Двенадцать! — выкрикнул глашатай.

Мао Сяофэй продолжал осыпать трибуну отборной бранью. От долгого согнутого положения в ушах монотонно звенело.

— Скряга недоделанный! Я же вытащил тебя... Ты по реке плыл, как бревнодохлое! Ой-ёй-ёй! Полегче! Я тебе... последний раз говорю!

Если бы Мао Сяофэй мог повернуться, он бы до конца дней своих запомнил рожу этого усердного палача. Но головы было не поднять. Силы стремительно таяли, ноги мелко дрожали от бедер до лодыжек, а по пояснице в штаны уже струилось что-то горячее и липкое.

— Да снимите вы с меня штаны, ироды! — надрывался Сяофэй. — Мне их стирать нечем! Они у меня одни-единственные! Вы что, хотите, чтобы я потом с голой задницей по лагерю бегал?!

С каждым его воплем Му Цаньшан раздраженно морщился. Потомственный военный, выросший в строгой генеральской семье, он отродясь не сталкивался с подобной наглостью. Одно дело — дерзкий вызов, но выслушивать этот кабацкий вздор от совершенно бесстыжого проходимца было выше его сил.

— Двадцать!

— Щенок неблагодарный... — уже тише, на пределе сил бормотал Мао Сяофэй. Кожа на спине превратилась в сплошное кровавое месиво, каждый новый удар разрывал старые раны, причиняя тупую, изнуряющую боль. — Прилетит тебе кара небесная... Смотри под ноги, когда гроза начнется...

Кровь стекала тонкими ручейками, собираясь в ямке на пояснице. На плацу стояла гробовая

тишина. Наблюдавший из толпы новобранцев Сюй Ци незаметно сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Я тебя спас! Слышишь?! Это был я! — Внезапно Мао Сяофэй рванулся вверх с такой силой, что конвоиры упустили момент. Никто не ожидал, что после двадцати ударов у этого хлипкого парня останутся силы на подобный рывок.

Му Цаньшан брезгливо нахмурился.

"Вместо раскаяния — одна лишь ложь. Неисправимый лжец. Пока не окажется на краю могилы, не замолчит".

Свистнула плеть.

Мао Сяофэй содрогнулся, покрывшись испариной. Крупные капли пота стекали по его бледной, худой груди.

Му Цаньшан невольно прищурился. Природа наградила его феноменальным зрением лучшего стрелка в армии — он мог без труда разглядеть каждую мелочь даже со ста шагов. Сейчас он отчетливо видел, как бисеринки пота скользят по белой коже Сяофэя. У молодого генерала внезапно пересохло в горле. Он видел, как от невыносимой боли напряглась бледная шея наказанного, а кожа груди окрасилась нежной, лихорадочной розовой краской.

— Не веришь?! На ноги мои посмотри! — хрипел Мао Сяофэй, чьи выкрики перешли в сиплый шепот. — Кто меня от волков отбивал?! Тебя самого эти твари чуть живьем не сожрали! Если бы не я... Ты бы тут не сидел и приказы не раздавал!

Сил кричать больше не оставалось. Мао Сяофэй зажмурился, и его длинные мокрые ресницы мелко задрожали.

Му Цаньшан нахмурился, силясь что-то вспомнить. На его волевом лице отразилось недоумение, сменившееся внезапным озарением и досадой. Он приподнял руку, собираясь отдать приказ прекратить экзекуцию.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал. Мао Сяофэй из последних сил извернулся, вырвался из рук палачей и повалился на спину, лицом кверху. Уставившись на занесенную плеть, он вызывающе заорал:

— Ну давай! Бей теперь! Посмотрим, как ты меня перевернешь, кабан недорезанный!

Дорожная пыль мгновенно забила в открытые раны на спине. От невыносимого жжения Мао Сяофэй мысленно проклял всех богов до десятого колена, но ярость и боль уже настолько ударили ему в голову, что тормоза окончательно отказали. Терять ему было нечего —

гордостью он никогда не отличался.

На плацу поднялся неодобрительный гул.

Стало ясно, что этот безумец никогда не нюхал порошу и понятия не имел о железной армейской дисциплине. Безропотное подчинение могло бы смягчить его участь, но бунт слабого сулил лишь суровое возмездие. Сюй Ци нахмурился, не одобряя глупую выходку, однако внутренне подобрался: если генералы прикажут казнить крикуна на месте, он вытащит его из лагеря силой.

Му Цаньшан медленно поднялся со своего места.

Все затаили дыхание. В умах присутствующих пронеслась одна и та же мысль: "Парню конец. Сейчас его казнят".

— Прекратить, — негромко произнес молодой генерал.

От неожиданности солдаты едва не выронили оружие.

— На этом всё.

Бросив эту фразу, Му Цаньшан почувствовал, как у него перехватило горло. Не дожидаясь реакции подчиненных, он поспешно зашагал прочь в окружении личной гвардии. Это бегство больше походило на поспешную эвакуацию.

Стоило Сяофэю упомянуть волков, как в туманных воспоминаниях раненого Му Цаньшаня наконец прояснился смутный силуэт спасителя. И надо же было такому случиться, что этим героем оказался именно Мао Сяофэй! Первое в жизни спасение из лап смерти — и от кого? От этого бесстыжего, крикливого шута. Смириться с подобной иронией судьбы молодой генерал никак не мог.

Вечером Мао Сяофэя приволокли в казарму на носилках. Сюй Ци бережно переложил его на нары и устроил поудобнее — на животе.

Тот только зубами скрипел да жалобно постанывал.

Сюй Цю, бледный как смерть, испуганно косился на товарища. Только когда конвоиры ушли, парень немного расслабился и дрожащим голосом спросил:

— Старший брат Сяо Фэй... очень больно?

— А давай я тебе тридцать горячих всыплю, сам мне расскажешь! — огрызнулся Сяофэй. Хоть сорок ударов он и не получил, тридцати хватило с лихвой — бледная спина превратилась в кровавое месиво из рассеченной плоти. Он зло зыркнул на Сюй Цю. Тот испуганно попятился, но уходить не спешил, явно желая хоть чем-то помочь.

— И чего вылупился? — простонал Сяофэй. — Меня и так сегодня перед всем лагерем опозорили! А ну отвернись!

Его так и подбрасывало от злости. Спас человека на свою голову, благодарности не дождался, да еще и плетей отхватил. Ну что за проклятая судьба?

— Потерпи, — негромко предупредил Сюй Ци.

Мао Сяофэй не успел даже пикнуть, как на израненную спину плеснули крепким дезинфицирующим зельем. Раны обожгло адским пламенем. Пальцы Сяофэя судорожно вцепились в грязный соломенный матрас, на глаза навернулись слезы. Он уткнулся лицом в подушку, из последних сил сдерживая крик.

Вскоре жжение от спирта утихло, сменившись тупой онемевшей болью. Сяофэй, тяжело дыша и утирая пот, приподнял голову и слабо кивнул Сюй Ци:

— Спасибо, брат...

— Рано благодарить, теперь нужно наложить мазь.

Очередное прикосновение застало его врасплох, но на этот раз боли не было. Прохладная, ароматная мазь мгновенно успокоила растерзанную кожу. Сяофэй довольно зажмурился и тихо замурлыкал от облегчения.

— Всем спать, — скомандовал Сюй Ци, и его низкий голос заставил притихнуть всю казарму.

В полумраке за ними наблюдали десятки любопытных глаз, но Сюй Ци, чьи глаза в темноте оставались бритвенно-острыми, быстро остудил их пыл коротким тяжелым взглядом. Мао Сяофэю не показалось: стоило ему подать голос, как даже самые наглые новобранцы, еще вчера строившие козни, притихли и зарылись в свои одеяла.

— Сюй Ци, — тихонько позвал Мао Сяофэй. Он заметил удивление собеседника, и продолжил: — Что это за чудо-мазь? Так хорошо снимает боль.

Заметив, какими голодными глазами парень смотрит на заветный пузырек, Сюй Ци едва

заметно усмехнулся и спрятал лекарство в рукав.

— Тебе-то что за дело?

— Ну как же, хорошими вещами делиться надо! Мы ведь скоро на войну пойдем, там ранений не избежать. Мазь у тебя просто волшебная. Расскажи рецепт? Если отдать его нашему военному врачу, тебе такую награду выпишут — мигом в люди выбьешься!

Спина все еще ныла, и Сяофэй болтал без умолку лишь для того, чтобы отвлечься от боли.

"И надо же было так вляпаться! — думал он. — Мало того что силой в армию затащили, так еще и за доброе дело плетей выписали. Хотел ведь держаться подальше от офицеров, все-таки бежать планирую. Если этот генерал обратит на меня внимание и вздумает сделать своим личным слугой, весь план пойдет коту под хвост!"

Но реальность оказалась куда прозаичнее. Этот малохольный генерал из Цинси оказался обыкновенной неблагодарной скотиной.

— Так ты, значит, в генералы метишь? — прищурился Сюй Ци.

Мао Сяофэй опешил от такого пронизательного взгляда.

"Решил небось, что я тех фазанов ловил ради выслуги перед начальством?"

— Я про тебя спрашиваю, при чем тут я? — шепотом буркнул Сяофэй. — Это вообще-то армия Цинси, а мы тут чужаки.

Тут он заметил, что Сюй Цю наострил уши, и легонько хлопнул его по лбу:

— А ну брысь, мелочь пузатая. Не подслушивай, когда взрослые разговаривают. Нам со старшим братом Сюй нужно кое-что с глазу на глаз обсудить. И не толкайся, у меня всё тело ноет!

Сюй Цю захлопал ресницами, надув губы от обиды.

— Ладно тебе, иди сюда, — смиростивился Сяофэй.

Парень тут же просиял и придвинулся ближе.

— Скажи-ка мне, малец, ты ведь знаешь, что в Верхней Ци мужчинам дозволено официально сочетаться браком?

— Слы... слышал что-то такое, — растерянно кивнул Сюй Цю, явно не понимая, к чему клонит товарищ.

"Ну и дуболом, всё ему разжевывать надо", — мысленно вздохнул Сяофэй и намеренно громко, чтобы слышала вся казарма, объявил:

— Так вот, незадолго до того, как попасть сюда, мой благоверный со мной развелся.

В казарме воцарилась звенящая тишина. Сяофэй прямо-таки кожей почувствовал, как десятки людей вокруг судорожно сглотнули. Довольный произведенным эффектом, он бесцеремонно сцапал Сюй Цю за руку. Тот попытался отпрянуть, но Сяофэй цепко удержал его за предплечье, закатав рукав и обнажив пухлую белую кожу, мгновенно покрывшуюся гусиной кожей.

— Так что ты, лапуля, поостерегся бы ложиться так близко, — игриво пропел Сяофэй, ткнув пальцем парня в плечо и расплывшись в белозубой улыбке. — Развод — штука тяжелая, на душе тоскливо... Вдруг мне посреди ночи захочется прильнуть к какому-нибудь крепкому плечу?

Сюй Цю так и подбросило. Сдавленно пискнув, он вырвал руку, спешно завернулся в свое одеяло и кубарем откатился к самому краю нар. Как ни странно, этот маневр освободил Сяофэю добрый метр свободного пространства.

Мао Сяофэй тихонько прыснул и повернулся к Сюй Ци — единственному, кто даже не шелохнулся.

— А ты чего не убегаешь, брат Ци? — Сяофэй прищурился. — Думаешь, я шучу?

— Ты прогнал мальчишку только ради того, чтобы остаться со мной наедине? — невозмутимо парировал Сюй Ци.

Мао Сяофэй поперхнулся воздухом.

Он-то думал просто подразнить сурового соседа, а этот вечно серьезный и молчаливый сухарь взял и перехватил инициативу! Впрочем, Сяофэй сам заварил эту кашу, так что жаловаться было не на кого. Решив не спорить, он придвинулся к Сюй Ци почти вплотную. В темной казарме, где не горело ни единого светильника, они лежали плечом к плечу. Сяофэй кожей чувствовал направленные на них из темноты косые взгляды сослуживцев. Двигаться из-за избитой спины было больно, поэтому он лишь слегка повернул голову и шепнул Сюй Ци на ухо:

— Послушай, все, кто идет воевать, мечтают о славе и богатстве. Почему тебе это не интересно?

— Я родом из Верхней Ци, — ровным голосом ответил Сюй Ци. — Спи давай. Этой ночью тебе вряд ли удастся выспаться.

Не успел Сяофэй спросить, что это значит, как Сюй Ци натянул одеяло повыше и повернулся к нему спиной, давая понять, что разговор окончен.

Мао Сяофэй остался лежать на животе, тихонько вздыхая. Он уже сто раз пожалел, что устроил то представление на плацу и катался по пыли. Сами по себе удары были делом привычным, но позор, когда тебя раздевают до пояса на глазах у сотен людей, удваивал душевную боль.

"Эх, не видать мне легкой жизни", — уныло подумал он.

Единственный раз, когда ему показалось, будто госпожа удача улыбнулась ему, продлился от силы полгода. А потом колесо судьбы снова покатилося под откос, причем на этот раз его занесло в еще более глубокую яму, чем прежде.

Усталость брала свое. Сяофэй так и не понял туманного предупреждения Сюй Ци, но расспрашивать спящего соседа не решился. Немного поворчав про себя, он наконец провалился в тяжелый сон без сновидений.

Разбудили его бесцеремонно. Мао Сяофэй, сладко спавший и пускавший слюни на подушку, внезапно почувствовал, как его грубо вздернули за шкирку. Чья-то тяжелая ладонь предусмотрительно зажала ему рот, не давая заорать от испуга на всю казарму.

Снаружи его ждали двое молчаливых солдат с носилками.

Один вид этой нехитрой конструкции заставил Сяофэя похолодеть.

— Да куда вы меня опять тащите?! — яростно зашептал он, едва ладонь убрали от его лица.

Вместо ответа его бесцеремонно уложили на носилки, подхватили их и быстрым шагом направились прочь из казармы. Прыгать на ходу с избитой спиной Сяофэй не рискнул — себе дороже. Пришлось безропотно сносить тряску. Впрочем, мерное покачивание оказалось на удивление убаюкивающим. Путь был неблизким, и к концу дороги Сяофэй умудрился снова мирно задремать.

Когда носилки опустили перед молодым генералом, взору Му Цаньшаня предстал сладко посапывающий Мао Сяофэй с самым безмятежным и оттого крайне раздражающим выражением лица.

Му Цаньшань обреченно прижал ладонь ко лбу.

"Наверное, в тот день я сам не до конца пришел в себя, — с горечью подумал он. — Спасти это недоразумение из волчьей пасти... Не иначе как во мне разыгралась дурная привычка предков защищать слабых и обездоленных".

<http://bllate.org/book/18429/1785130>